

V

НАШЕ СЧАСТЬЕ

Рассказ П. К. Голубевой ее внучке и внуку.

Ну, сама я этого не помню, Любинька, Николенька, а рассказываю вам, как мне говорила матушка. Где же мне помнить, когда и Малаша не помнила. Ей было тогда четвертый год, я думаю.

Стало быть, четвертый год, либо пятый батюшка с матушкой жили на новом месте, потому что, вы знаете, Любинька, Николенька, Малаша была грудная малютка, когда они ехали туда. Я, говорит матушка, уж хорошо ходила; и была у них Параша; и она была тогда грудная и вовсе еще маленькая; сколько ей было недель, не знаю, только немного еще.

Хорошо. Вот раз — в зимнее это было время — вечером, только еще не поздно, слышат батюшка с матушкой скрипит снег на улице под чем-то тяжелым, только не под возом, потому что едет это тяжелое с большой скоростью, да и лошадей запряжено, слышно, что-то больше тройки, больше чем у возов не бывает. Ближе, ближе, — проехало это тяжелое мимо их окон и остановилось, значит, у их ворот. Ну, когда так, дело понятное: это едут в возке — так назывались зимние кареты — и хотят проситься переночевать у них. Так тогда делалось: кроме как у священника, негде было переночевать, кто не хотел терпеть духоты и смраду. Оно и теперь в глухих местах еще так, Любинька, Николенька. А тогда и по большим дорогам так было; тем больше по таким малопроезжим, как там у них.

И точно: постучался кто-то в ворота; заскрипела калитка, открыл, значит, работник. Входит в переднюю, — у них даже передняя была, такой хороший был у них дом, — входит в переднюю слуга в хорошей шубе, кланяется и говорит: батюшка и матушка, барин просит у вас позволения переночевать. Они говорят: милости просим. Уходит слуга, заскрипели ворота, въезжает на двор возок, входит в комнату мужчина, молодой мужчина, высокий, собой красавец; здоровается, подходит под благословение к батюшке, но только, принявши благословение, руку батюшкину не поцеловал, а пожал. Ну, батюшка знал, что в высоком кругу не целуют руку у священника, и матушка об этом слышала; стало быть, это ничего. Поздоровавшись, приняв благословение, садится, — просит и их сесть; сели. Он говорит о себе, что едет издалека и далеко, стало быть, больше приходится ему ехать по большим дорогам, как это обыкновенно выходит в дальних поездках, но что местами приходится ему с одной большой дороги на другую переезжать проселком, для сокращения пути, вот как и здесь. Рассказавши это о себе, спрашивает у них, давно ли они здесь, хорошо ли устроились и все такое. Между тем слуга принес погребец, принес какой-то сундук. Не сундук, а вроде будто сундука, только кожа-

ный, — чемодан, значит, это был, только хорошей работы, каких батюшка с матушкой и не видавали; вынимает из этого сундука, из погребца, столовое белье, посуду, закуски разные, чай, кофей, сахар; чай-то батюшка с матушкой уж сами пили. хоть, разумеется, только по праздникам; кофею хоть сами не пили, но видавали, — стало быть, и о нем понимают, что это такое; вынул еще что-то — желтая плитка, красноватая; ну, что такое это, батюшка с матушкой не знали. А что посуда серебряная, позолоченная, некоторая и золотая, это — вы сами понимаете, Любинька, Николенька, — не могло быть им в диковинку; как же хоть даже им не знать, что вельможи едят с серебра и с золота? Это всегда все знали.